УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-5/2-13-20

АТАЕВ Таулан Иосифович,
аспирант кафедры истории

ATAYEV Taulan Iosifovich,
Postgraduate student, Chair of History of Russia

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ДИСКРИМИНАЦИОННЫХ МЕР В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАЕМНОГО ТРУДА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1921-1936 гг. (На материалах КАРАЧАЯ)

THE PRACTICE OF DISCRIMINATORY MEASURES IN THE FORM OF DEPRIVATION OF ELECTORAL RIGHTS FOR THE USE OF HIRED LABOR IN THE NORTH CAUCASUS IN 1921 - 1936 (on the materials of KARACHAI)

В статье рассматривается такой вид социальной дискриминации, как лишение избирательных прав, практиковавшийся в первые годы советской власти (1921-1936 гг.). Представленная работа главным образом базируется на материалах, относящихся к бывшей Карачаевской автономной области, и основана на документах государственного архива Карачаево-Черкесской республики. При этом значительная часть используемых материалов впервые вводится в научный оборот. В представленной работе автор акцентирует внимание на практике лишения избирательных прав в отношении лиц, применявших наемный труд. Данная мера социальной дискриминации широко применялась на Северном Кавказе и в то же время не была в полной мере закреплена и прописана в нормативных актах, инструкциях к избирательным комиссиям, что создавало массу коллизий в ходе ее практического применения на местах. В статье проанализирована специфика применения данного вида репрессий, освещены вопросы, связанные с попытками «лишенцев» отстоять свои права, с ходом избирательных кампаний, с особенностями политики центральных и региональных властей по интересующей нас тематике, прослежена динамика роста лишенцев данной категории в таком северокавказском регионе, как Карачай.

Ключевые слова: Карачай; Советская власть; кулаки; наемный труд; скотоводство; лишение избирательных прав; социальная дискриминация; избирательная комиссия; налоговая комиссия.

The article highlights such kind of social discrimination as disenfranchisement, practiced in the first years of Soviet rule (1921-1936). This work is based on the materials related to the former Karachai Autonomous Region and on the documents of the State Archive of the Republic of Karachay-Cherkessia. A substantial portion of the used materials are introduced into the scientific circulation for the first time. In this study, the author draws attention to the practice of disenfranchisement in respect of persons who have used hired labor. This measure of social discrimination was widely used in the North Caucasus, and at the same time it was not fully reflected in the legal regulations and instructions for the election commissions, what caused a lot of collisions in the course of its on-site implementation. The article analyzes the specifics of this type of repression; address the issues related to the attempts of the "disenfranchised" to defend their rights, the progress of election campaigns, the policies of central and regional authorities in this field, the dynamics of disenfranchisement use in the North Caucasus region of Karachai.

Keywords: Karachai; Soviet power; kulaks; hired labor; animal husbandry; disenfranchisement; social discrimination; election commission; tax commission.

Известно, что одним из важнейших направлений политики Советской власти была ликвидация частной собственности на средства производства и создание (в сельском хозяйстве) коллективных хозяйств. Опираясь на беднейшее крестьянство, большевики повели упорную борьбу с крепкими хозяйственниками, обоснованно считая их своими главными противниками в проведении политики коллективизации. Одной из главных мер в этой борьбе стало лишение избирательных прав и связанных с этой мерой ограничений.

Уже в первой Конституции РСФСР 1918 г. «лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли», шли первым пунктом в списке граждан, лишаемых права избирать и быть избранными [1].

Однако в инструкциях о проведении выборов юридически понятие «наемный труд» не было закреплено. Избирательным комиссиям предписывалось руководствоваться такими неправовыми категориями, как «мироед», «кулак», «эксплуататорский элемент», «контрреволюционер» и т.д. Отметим, что богатые крестьяне, пользовавшиеся трудом наемных сельхозрабочих (батраков), довольно часто в официальных документах именовались «кулаками». Термин этот, возникший в русском языке уже в первой половине XIX в., с самого начала нес в себе негативную окраску. При этом применение наемного труда выступало хотя и существенным, но не единственным признаком кулацкого хозяйства. К ним также относились содержание торгово-промышленных заведений, ростовщичество, владение мельницей, использование сельхозмашин и т.д.

Априори количество лиц, пользовавшихся наемной силой, в традиционно сельскохозяйственной России было довольно велико. В горских регионах Северного Кавказа, в частности в Карачае, со второй половины XIX в. вместе с развитием товарного животноводства применение наемного труда стало неотъемлемым условием развития крупных хозяйств. Сезонный наемный труд был характерен даже для маломощных хозяйств, имевших небольшое количество трудоспособных членов семьи.

Сама процедура лишения прав за применение наемного труда должна была основываться на документальном обосновании органами финансовой и налоговой комиссий, а также договоров найма батраков. Однако, как показывает изучение личных дел лишенцев данной категории по Карачаевской АО, чаще всего в качестве определяющего документа выступали показания самих батраков или доносы недоброжелателей.

Осознанно играя на традиционном противостоянии бедных и богатых, органы власти провоцировали распространение доносительства в среде советских граждан. Так, Н. Ивницкий отмечал: «...бедняцко-батрацкие массы, заинтересованные в экспроприации кулачества, стремились расширить круг хозяйств, подлежащих раскулачиванию, ибо конфискованное у кулака имущество передавалось в неделимые фонды колхозов в качестве вступительных взносов бедняков и батраков. К тому же часть кулацкого имущества распределялась среди бедняков и батраков. Это значит, что последние и лично были заинтересованы в возможно большем числе раскулаченных» [2]. Подобные тенденции проявили себя и в таких традиционных обществах, как Карачай.

Вместе с тем избирательные инструкции не учитывали сложившиеся в горском обществе традиционные формы хозяйствования, традиции взаимопомощи и родственной поддержки. Не случайно нередки были случаи, когда в качестве батраков указывались близкие родственники лишенцев. Так, один из таких «батраков» У.Ш. Бостанов вынужден был обратиться в защиту своих родственников в облизбирком КАО. Он, в частности, писал следующее: «В 1925 г., будучи сиротой, после смерти моей матери, по моей просьбе и пожалев меня, меня взяли к себе мои двоюродные братья, сыновья Бостанова Магомета. Я жил с ними года два и ушел, получив свою часть. Сообщаю к вашему сведению, что я жил вместе с ними, не как батрак, а как близкий родственник на правах двоюродного брата и приписка им эксплуатации меня – неправильна» [3]. Тем не менее, М. Бостанов вместе с семьей был лишен прав.

Нередко областной и сельские избиркомы лишали прав уже однажды восстановленных в них горцев своим же решением. Так произошло с семьями трех братьев (сыновей Джюджея-Хаджи Батчаева – Муссы, Харуна и Шогаиба) из с. Джегетей (Джегутинского). В своем заявлении в Северо-Кавказский краевой избирком они отмечали: «Мы однажды уже доказали, что каждый из нас ведет трудовое хозяйство, и в июне получено было в нашем Совете извещение о том, что мы Облизбиркомом восстановлены в избирательных правах» [4]. В извещении, приложенном к заявлению и направленном от имени избирательной комиссии КАО на имя председателя совета аула, говорилось: «Граждане вверенного Вам аула Батчаевы Шогаиб, Мусса и Харун облизбиркомом восстановлены – протокол № 9 от 12.VI. 1930 г.» [5].

Однако спустя два месяца, 30 августа 1930 г., в совет была прислана выписка из заседания Облизбиркома, где сообщалось уже о лишении избирательных прав Муссы Батчаева и семей его братьев как иждивенцев. Пытаясь отстоять свои права, братья Батчаевы обратились в облисполком, но им заявили, что «извещение о восстановлении не высылалось», а 2 сентября вручили выписки из протокола заседании избиркома от 4 мая, согласно которому братья уже по отдельности лишались прав [6].

Налицо полная несогласованность и предвзятое отношение избиркомов к лишенцам, ибо, принимая решение о восстановлении 12 июня, избирательная комиссия, несомненно, имела доступ к тем же документам, что и в начале мая.

Тем не менее, просьбы Батчаевых о восстановлении в правах были отклонены избиркомом. Пытаясь добиться справедливости, в своем заявлении в крайизбирком они отмечали всю абсурдность лишения прав хозяйств, которые в условиях Карачая можно было отнести лишь к середняцким. «У первого из нас - Муссы Батчаева.. имеется двое мужчин, вполне трудоспособных, а в хозяйстве имеется двое быков, 4 коровы и 3 лошади.. В прошлом году кроме того было еще две коровы и 49 овец, которые были растрачены на уплату индивидуального ЕСХН (единого сельскохозяйственного налога) … Иначе, при наличии двух трудоспособных мужчин, такое хозяйство в карачаевских условиях (летом овцам, лошадям и гулевому крупному рогатому скоту никто сена не дает), совершенно свободно можно вести без применения наемного труда. Мало того, я успеваю работать и на стороне. Так, например, сам с сыном в этом году скашиваю чужие покосные паи за зарплату сеном у граждан хут. Важного Баталпашинского района, что может подтвердить собрание граждан колхозников этого хутора», - отмечалось в заявлении [7]. Такого же размера были хозяйства и двух других братьев.

Несмотря на все заявления, просьбу Батчаевых крайизбирком отклонил. Их дальнейшая судьба характерна для большинства «эксплуататоров». В 1931 г. Шогаиб был осужден на

три года ссылки за участие в антиколхозном восстании 1930 г., а Мусса и Харун в рамках кампании по раскулачиванию в 1935 г. были высланы в Узбекистан [8].

В целом надо отметить, что, несмотря на многочисленные жалобы о неправильном лишении права голоса, избирком и созданная при облисполкоме оргтройка редко выносили решения о восстановлении данной категории лишенцев. Об этом свидетельствует анализ протоколов заседаний оргтройки. Так, на заседании, состоявшемся 13 августа 1932 г., рассматривались заявления о восстановлении в правах двух жителей с. Учкулана – А. Аджиева и Д. Шидакова. Однако обоим было отказано. Оргтройка подтвердила решение аулизбиркома, назвавшего вышеупомянутых лиц «крупными эксплуататорами», применявшими наемный труд и расширявшими свое хозяйство [9].

Кроме того, местные избиркомы (аульные, окружные и областные) зачастую проявляли меньше лояльности, чем Северо-Кавказский крайизбирком или ВЦИК, куда обращались с жалобами лишенцы. Так, на заседании оргтройки 19 января 1933 г. был рассмотрен «материал» жителя с. Карт-Джурт К. Салпагарова, который ВЦИК по жалобе лишенца затребовал из области. По итогам обсуждения оргтройка постановила: «Ввиду того, что гр-н Салпагаров Кеккез эксплуатировал ряд батраков, как то: С-ва (*фамилии не указываются из этических соображений* - автор) Добая – в 1932 г. 6 месяцев, Б-ва Османа – 7 месяцев в 1931 г.; других батраков без трудового договора, при наличии 2-х человек трудоспособных в семье… отнести Салпагарова К. к явно-кулацкому хозяйству и лишить избирательных прав, о чем довести до сведения ВЦИК» [10].

Подобная характеристика была подготовлена также в отношении другого жителя Карт-Джурта М. Хасанова, обратившегося с просьбой о восстановлении как к областным властям, так и в крайизбирком. По мнению оргтройки, он подпадал под лишение сразу по нескольким пунктам как «бывший землевладелец (имел 150 дес.) – справка аулсовета от 4-го января 1933 г., эксплуататор чужого труда, антисоветски настроенный торговец». Поэтому было принято решение «в ходатайстве Хасанову отказать, оставив его в списках лишенных избирательных прав» [11].

Лишение прав стало для многих формой сведения личных счетов. Иногда такие случаи были настолько явными, что на них не могли закрывать глаза даже областные органы. Так, на очередном заседании оргтройки было рассмотрено заявление жителя с. Нижняя Мара У. Хатуева о неправильном отнесении его хозяйства к кулацким. Изучив материалы, тройка выяснила, что «на основании информации Контрольной комиссии РКИ Хатуев Умар восстановлен в избирательных правах. Дело (*повторное*) было возбуждено на почве личных счетов К-вым, по информации которого Хатуев вторично отнесен к явно-кулацким хозяйствам». Тройка постановила: «Согласно имеющимся документам, признать постановление совета аула Нижняя Мара и облналоговой комиссии неправильным в лишении его избирательных прав и отнесении к явно-кулацким хозяйствам, в силу чего – отменить решение последних» [12].

Нет сомнений в том, что жизнь горянки, оставшейся в те годы вдовой, была тяжела вдвойне. Тем не менее, аульские избиркомы не гнушались лишением прав и таких женщин. Например, на своем заседании 3 июля 1933 г. оргтройка рассматривала дело З. Мачуковой из с. Верхняя Мара, которая, будучи лишена прав аульным избиркомом, смогла добиться восстановления в Крайизбиркоме. Как отмечалось в постановлении оргтройки, «по тем же мотивам совет неправильно лишил вновь избирательных прав, поэтому решение совета отменить, восстановив в правах гр-ку Мачукову Зулихат, как не имеющую признаков кулацкого хозяйства» [13].

Продолжалось применение данного вида репрессий и в отношении горянок, мужья которых были сосланы или арестованы, несмотря на то, что тем самым прекращался сам факт нахождения жены и детей на иждивении отца. Например, на том же заседании отргтройки 03 июля 1933 г. отказали в восстановлении в правах сразу нескольким горянкам из с. Верхняя Теберда: С. Батчаевой, «как не проявившей себя общественно-полезным трудом и как жене бывшего эксплуататора-кулака»; С. Байчоровой, как «жене контрреволюционера и бывшего кулака», Б. Каракетовой, как «жене бывшего эксплуататора-дачевладельца» [14]. Подобные же меры применялись и к жительницам других карачаевских селений.

Недостатки в работе избирательных комиссий на местах приводили к тому, что порой лишались прав члены семей красноармейцев. Такой случай произошел с жителем с. Новый Карачай М. Тоторкуловым, которого местный совет счел имеющим «признаки кулацкого хозяйства» и, несмотря на то, что сын его служил в рядах РККА, внес в список лишенцев. Лишь решением оргтройки его правоспособность была восстановлена [15].

Характерными для избирательных кампаний были постоянные нарушения в сроках рассмотрения жалоб, что затягивало решение вопроса. Тем самым, благодаря бюрократизму из-

биркомов, многие внесенные в списки не успевали обратиться в областные и краевые избирательные комиссии, будучи, тем самым, обречены на пребывание в статусе лишенцев.

Переходя к рассмотрению динамики лишения избирательных прав жителей Карачая по причине применения наемного труда с целью извлечения прибыли, можно отметить, что имеющиеся документы за 1921-1923 гг. позволяют сделать вывод о практике применения в отдельных случаях данного правового ограничения уже в этот период [16]. Однако старт новой экономической политики, как в центре, так и на местах, привел к относительной либерализации в отношении лиц, привлекавших наемный труд. Так, в «Инструкции о перевыборах городских и сельских советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов советов», утвержденной ВЦИК 11.08.1924 г., отмечалось, что «из лиц, прибегавших к наемному труду, нетрудовому доходу или торговле, губернские избирательные комиссии могут допускать к участию в выборах лишь тех, которые представляют удостоверения от фабрично-заводских комитетов сельского общества или местного комитета по принадлежности о том, что данное лицо в настоящее время не эксплуатирует чужого труда, живет на средства, добываемые его личным трудом, и вполне доказало свою лояльность к Советской власти» [17].

Размытость и неопределенность данной формулировки, согласно которой бывший кулак должен был не только доказать свою принадлежность к трудовому классу, но и всячески выражать свою идейную поддержку существующему режиму, позволяла местным избиркомам злоупотреблять своим положением, в зависимости от личных взаимоотношений с лишенцем. В новой Конституции РСФСР, принятой 11.05.1925 г. XII Всероссийским съездом Советов, подробного изложения причин лишения избирательных прав не было. Тем не менее, в соответствующей «Инструкции о выборах» от 13.10.1925 г. указывалось: «При применении п. "а" ст. 68 Конституции Р.С.Ф.С.Р. 1925 года избирательные комиссии должны иметь в виду, что лица, ранее прибегавшие к наемному труду ... допускаются к участию в выборах постановлениями окружных и уездных исполнительных комитетов с утверждения соответствующих краевых, областных и губернских исполнительных комитетов. Основаниями для восстановления в избирательных правах служат удостоверения, выдаваемые администрацией учреждения или предприятия, о занимаемой должности и получаемой заработной плате, а также удостоверения совета или административных органов о том, что указанные лица в настоящее время живут на средства, добываемые личным трудом, и не эксплуатируют чужого труда» [18]. Тем самым, отсутствие в инструкции эфемерной формулировки о «лояльности к Советской власти» позволило многим лишенцам избежать повторного внесения в соответствующие списки. Кроме того, в Инструкции отдельно оговаривалось, что «не лишаются избирательных прав... лица, занимающиеся сельским хозяйством и пользующиеся наемным трудом, в том случае, если применение наемного труда происходит в соответствии с правилами об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах» [19].

Подобная либерализация избирательной системы привела к тому, что количество лишенцев в Карачае по рассматриваемой нами категории (как, впрочем, и по другим основаниям) в 1924-1926 гг. снизилось.

Например, в с. Эльбрус (левобережная часть с. Карт-Джурт, имевшая в 1920-х гг. отдельную администрацию) во время выборов в марте 1926 г. из 1 690 жителей 861 по возрастному цензу имел право голосовать. По решению местного избиркома, лишь 7 человек были лишены избирательных прав, из них 4 принадлежали к мусульманскому духовенству, а 3 использовали наемный труд [20]. Не случайно в состав совета были избраны многие зажиточные горцы и даже активные борцы с Советской властью в годы гражданской войны [21]. Подобная же ситуация сложилась в с. Джазлык где из 1 288 жителей к выборам были допущены практически все жители, достигшие 18 лет (528 человек), кроме двух эфенди [22].

Всего в Учкуланском округе, включавшем в себя пять старинных карачаевских селений, известных как Большой, или Старый, Карачай (Хурзук, Учкулан, Карт-Джурт и его часть - Эльбрус, а также Дуут и Джазлык) в 1926 г. из 9 496 жителей старше 18 лет были отстранены от выборов 176 человек (из них умалишенных – 1, осужденных по суду - 5), что составило 1,8% от общего числа избирателей. Из них 63 (35,8%) были лишены права голоса за применение наемного труда, что больше суммарного количества всех остальных лишенцев. Естественно, что из 59 членов семей лишенных прав именно иждивенцы составили большинство. Вместе с тем количество лишенцев, не составлявшее и 2%, позволило принять участие в выборах в сельские Советы в 1925–1926 гг. практически всем желающим. Формирование Советов с большой долей участия середняков и зажиточных «элементов» вызвало настороженность у советского руководства, привыкшего опираться на люмпенизированные слои села.

Именно поэтому политика свертывания НЭПа, начавшаяся с 1926 г., сказалась на всех сферах экономической и общественной жизни. В новой «Инструкции о выборах», утвержденной Декретом ВЦИК 4.11.1926 г., круг лиц, лишаемых избирательных прав, вновь значительно расширился.

Лишенцами были обречены стать не только те, кто на момент выборов применял наемный труд, но и те, кто занимался этим прежде. При этом дискриминация не зависела от того, имел ли наниматель постоянного батрака или сезонного. Определяющим фактором становилось применение чужого труда и выведение хозяйства за рамки трудового. Подобное ужесточение законодательства не замедлило сказаться на динамике численности лишенцев в рамках данной категории.

Обратившись вновь к данным по Учкуланскому округу Карачаевской АО, мы можем видеть, что в 1927 г. число избирателей в округе сократилось (за счет миграций населения во вновь основанные предгорные селения) и составило 8 853. При этом количество лишенцев возросло в 2,5 раза и составило 422 человека (из них умалишенных – 9, осужденных по суду - 7), что составило 4,1% избирателей. На этот раз в связи с усилением репрессий против духовенства и политических оппонентов количество лишенных за применение наемного труда сократилось и абсолютно, и относительно, составив 59 человек (14%). Вместе с членами семей этот показатель наверняка превышал 150 человек, то есть около 30% всех лишенцев [23].

При этом центральные органы власти немало внимания уделяли национальным регионам, в том числе на Северном Кавказе, отмечая их особенности, проявлявшиеся в сохранении «пережитков докапиталистических отношений», «в значительном влиянии общественной верхушки среди широких масс населения» [24]. Отмечалась и общая отсталость бедняцко-середняцких масс горцев, недостатки в деле привлечения их к общественной работе, низкий процент представителей пролетариата на фоне большой активности кулацкой верхушки и «чуждой по идеологии» национальной интеллигенции, основу которой составляли кадры имперского периода.

Руководствуясь предписаниями из центра, Карачаевская областная избирательная комиссия в своем циркуляре окружным избиркомам от 22.11.1928 г. указывала: «Во время хода кампании аулизбиркомам держать тесную связь с беднотой – батраками, активными селькорами и женщинами-активистками для более полного учета лишенцев; а также нужно следить и знать, какую активную политическую работу ведут кулацко-антисоветские элементы» [25].

Объединенные усилия центральных и региональных органов Советской власти дали свои плоды. Об этом можно судить по документам избирательной кампании 1928-1929 гг. Обратившись к данным по Учкуланскому району, мы можем наблюдать существенное увеличение количества лишенцев. Их численность по селениям составила: Хурзук - 296, Нижний Учкулан – 290, Верхний Учкулан – 184, Эльбрус - 136, Карт-Джурт - 196, Джазлык – 30, Дуут - 26 человек [26]. Таким образом, общее количество внесенных в списки лишенцев по округу составило 862 человека, что более чем в два раза превысило показатели 1927 г. и в пять раз - 1926 г. И хотя по результатам поданных жалоб 136 человек были восстановлены в правах [27], цифра в 726 человек, лишенных избирательных прав, несомненно, выглядит внушительной.

Категории «кулаков» и «пользующихся наемным трудом» в эти годы также возросли. Так, только в Хурзуке их количество составило более половины (149 из 296). Такая же ситуация была в Верхнем Учкулане (96 из 184), а в с. Эльбрус кулаки и их иждивенцы превысили 60% (из 136 – 86).

Аналогичная картина наблюдалась в селениях Нового Карачая в предгорной зоне. Так, в ауле Верхняя Мара из 183 лишенцев 84 подверглись дискриминации как «кулаки и эксплуататоры». В небольших же аулах количество лишенных по данной статье составляло подавляющее большинство. Так, в с. Хуса-Кардоник из 28 лишенцев 24 были кулаки, в с. Къызыл Къарачай из 19 человек – 13, в с. Нижне-Тебердинском из 34 горцев, лишенных прав по социальному признаку, 17 относились к категории «применяющие батраков», в с. Морх из 27 человек – 21 [28].

В 1929 г. наступление на зажиточных крестьян продолжилось. Было издано Постановление СНК СССР от 21.05.1929 г. «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде», положившее конец практически всем видам предпринимательства на селе.

Массированное лишение избирательных прав, переход к уголовным репрессиям в отношении горской элиты в 1928-1929 гг. наряду с насильственной коллективизацией спровоцировали в Карачае массовое антисоветское восстание, начавшееся 18 марта 1930 г. Восстание вовлекло в свою орбиту около 3 тысяч человек. Вооруженный мятеж был подавлен регулярны-

ми частями РККА. По его итогам не менее 10 человек было расстреляно, около 200 человек была приговорено к заключению в лагеря или к ссылке в отдаленные регионы СССР. Само же восстание стало основанием для очередного витка репрессивной политики, в том числе в сфере лишения избирательных прав. Этой санкции подвергались как сами участники вооруженного выступления (априори не голосовавшие, так как находились в местах заключения), так и члены их семей.

Таким образом, количество лишенцев в с. Учкулан на 10 ноября 1932 г. составило 72 домохозяйства общей численностью 252 человека. Из них лишь 14 человек составили эфенди и члены их семей, а 16 человек – бывшие землевладельцы. Все остальные были лишены избирательных прав как «эксплуататоры, применявшие наемный труд» и как участники восстания, среди которых количество «эксплуататоров» было подавляющим [29].

Новым витком репрессий против кулаков стало их выселение за пределы родины. В 1932-1933 гг. около 20 семей из Карачаевской АО, отнесенных местными властями к числу неисправимых кулаков, были выселены в степные районы Ставрополья (с. Дивное) [30].

Постановлением ЦК ВКП(б) «Об организации трудовых поселений ОГПУ» от 17 апреля 1933 г. в систему ГУЛАГа вошли особые трудпоселки, контингент которых составляли выселяемые из районов сплошной коллективизации кулаки и прочие элементы, подвергшиеся санкциям за срыв или саботаж хлебозаготовительных и других кампаний, бежавшие из мест проживания и т.д. При этом предписывалось по максимуму использовать трудовые возможности репрессированных [31].

Однако наиболее массовая депортация кулаков состоялась в начале 1935 г. Согласно справке «О выселении кулачества и антисоветского элемента в первой половине 1935 г.», подготовленной НКВД СССР 15 июля 1935 г., всего с 1 по 8 марта 1935 г. было выселено из Карачая и Черкесии 228 семей (1 287 человек) [32]. Местом ссылки для большинства раскулаченных жителей стало село Баяут Узбекской ССР.

Надо отметить, что в местах депортации спецпоселенцы по-прежнему были лишены избирательных прав и подвергались всем связанным с этим статусом ограничениям.

Раскулачивание и насильственное перемещение были не единственным результатом лишения прав для зажиточных горцев. Восстановленные в правах после принятия новой «Сталинской» Конституции в декабре 1936 г., они в течение 1937-1938 гг. практически в полном составе были подвергнуты уголовным преследованиям по печально известной статье 58-й УК СССР. Именно кулаки составили большую часть уроженцев Карачая, подвергшихся расстрелу или длительному заключению в концлагеря.

Подводя итог, можно отметить, что в Карачае, как и в остальных традиционно сельскохозяйственных районах страны, применение наемного труда с целью извлечения прибыли являлось основной причиной применения социальной дискриминации в виде лишения избирательных прав. Наряду с теми, кто, согласно законодательству, действительно подлежал устранению от выборов, данному виду репрессий, вследствие ошибок и злоупотреблений местных избиркомов, подвергались многие граждане, не подпадавшие под действие соответствующих статей.

Лишение избирательных прав «эксплуататоров», начавшееся еще в первые годы советской власти, достигло апогея в 1928-1930 гг., став одной из главных причин антисоветского восстания в Карачае в марте 1930 г. Подавление восстания стало поводом для проведения в отношении крепких горских хозяйств наряду с правовыми ограничениями массовой политики раскулачивания. Ее продолжением стали депортации, проходившие сначала в небольшом объеме в ближайшие регионы (1932-1933 гг.), а затем в республики Центральной Азии (1935 г.), когда насильственному перемещению подверглось более 1% от общей численности карачаевского народа.

Лишенцы-«эксплуататоры» составили большинство репрессированных жителей Карачаевской АО в период Большого террора 1937-1938 гг. и подверглись наиболее жестоким мерам воздействия - расстрелу и заключению на длительные сроки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. http://base.consultant.ru (дата обращения 03.03.2015)
2. *Ивницкий Н.А.* Классовая борьбе в деревне и ликвидация кулачества как класса. – М. 1972. – С. 236-237.
3. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики (далее ГА КЧР). Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 427. Л. 1.
4. ГА КЧР. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 147. Л. 32.
5. Там же. Л. 30.

6. Там же. Л. 32.
7. Там же. Л. 33.
8. Бессмертие народной памяти. Книга Памяти жертв политических репрессий Карачаево-Черкесской Республики. Т.1. // под ред. С.Ю. Хапчаева. – Черкесск, 2013. – С. 44, 55.
9. ГА КЧР. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 77. Л. 5.
10. Там же. Д. 77. Л. 17.
11. Там же. Л. 18.
12. Там же. Л. 23.
13. Там же. Л. 36.
14. Там же. Л. 37.
15. Там же. Л. 38.
16. ГА КЧР. Ф. Р-246. Оп.1. Д. 7. Л. 56-57.
17. http://base.consultant.ru (дата обращения: 10.03.2015)
18. Там же.
19. Там же.
20. ГА КЧР. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 7. Л. 8.
21. Там же. Л. 7-7об.
22. Там же Л. 57, 59.
23. ГА КЧР. Ф. Р-307.Оп.2. Д.26. Л. 49.
24. Цит. по: *Ергина Н.М.* Лишение избирательных прав в кампанию выборов в советы 1928–1929 гг. в национальных регионах Поволжья (на примере сельских местностей Мордовии и Татарстана) // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 4-1. – С. 86.
25. ГА КЧР. Ф. Р-307. Оп . 1. Д. 50. Л. 113-115.
26. Там же. Оп .2. Д. 30. Л. 38-99.
27. Там же. Оп. 2. Д. 30. Л. 100-112.
28. Там же. Л. 123-132.
29. ГА КЧР. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 37. Л. 44.
30. ГА КЧР. НСА. № 231. Л. 7.
31. *Хлусов М.И.* Система ГУЛАГа как элемент власти // Власть и общество в СССР. Политика репрессий (1920–1940-е гг.). – М.: ИРИ РАН, 1999. – С. 199.
32. Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 4: 1934–1936 / Сост. В. Данилов, Ю. Мошков, М. Кудюкина, Т. Царевская (отв. сост.). – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 550.

REFERENCES

1. Available at: http://base.consultant.ru (accessed 03/03/2015)
2. *Ivnitskiy N.A*. The class struggle in the countryside and the liquidation of the kulaks as a class. [Klassovaja bor'be v derevne i likvidacija kulachestva kak klassa]. *Moscow.* 1972. P. 236-237.
3. The State Archives of the Karachay-Cherkess Republic (SA KCR). F. R-307. Op. 2. D. 427. L. 1.
4. GA KCR. F. R-307. Op. 2. D. 147. L. 32.
5. Ibid. L. 30.
6. Ibid. L.32.
7. Ibid. L. 33.
8. Immortality folk memory. Book of Memory of Victims of Political Repression Karachay-Cherkessia. V.1. Ed. S.Y. Hapchaev. Cherkessk. 2013. P. 44, 55.
9. GA KCR. F. R-307. Op. 1. D. 77. L. 5.
10. Ibid. D. 77. L. 17.
11. Ibid. L. 18.
12. Ibid. L. 23.
13. Ibid. L. 36.
14. Ibid. L. 37.
15. Ibid. L. 38.
16. GA KCR. F. R-246. Op.1. 7. D. L. 56-57.
17. Available at: http://base.consultant.ru (accessed: 03/10/2015)
18. Ibid.
19. Ibid.
20. GA KCR. F. R-307. Op. 2. D. L. 7. 8.
21. Ibid. L. 7-7ob.
22. Ibid L. 57, 59.
23. GA KCR. F. R-307.Op.2. Dom 26. L. 49.
24. Op. by: *Yergina N.M*. Disfranchisement campaign council elections of 1928-1929. national Volga region (for example, rural areas of Mordovia and Tatarstan). *News of Altai State University*. 2011. № 4-1. P. 86.
25. GA KCR. F. R-307. Op. 1. D. 50. L.113-115.
26. Ibid. Op. 2. D. 30. L. 38-99.
27. Ibid. Op. 2. D. 30. L. 100-112.
28. Ibid. L.123-132.
29. GA KCR. F. R-307. Op. 2. D. 37. L. 44.

30. GA KCR. NSA. № 231. L. 7.
31. *Khlusov M.I.* GULAG system as an element of power. Power and society in the USSR. The policy of repression (1920-1940). [Sistema GULAGa kak jelement vlasti. Vlast' i obshhestvo v SSSR. Politika repressij (1920–1940-e gg.)]. *Moscow. The Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences*. 1999. pp. 199.
32. The tragedy of the Soviet countryside: Collectivization and dispossession. Documents and materials. T. 4: 1934-1936. Ed. V. Danilov, U. Moshkov, M. Kudyukina, T. Tsarevskaya (Ed.). *Moscow. ROSSPEN*. 2002. 550 pp.

Информация об авторе

Атаев Таулан Иосифович, аспирант кафедры истории России Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева. Карачаевск,
(Республика Карачаево-Черкессия), Россия
r_begeul@mail.ru

Получена: 12.06 2015

Information about the author

Atayev Taulan Iosifovich, Postgraduate student, Chair of History of Russia, Karachay-Cherkessia State University named after Aliyev, Karachayevsk,
(Republic Of Karachay-Cherkessia), Russia
r_begeul@mail.ru

Received: 12.06 2015